

М. И. ПЕТЕРСОН

О СОСТАВЛЕНИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

1

Необходимость составления этимологического словаря русского языка не надо доказывать. Потребность в нем ощущается давно, но в наше время эта потребность далеко выходит за пределы узкого круга специалистов-языковедов. Об этом можно судить по поступающим в Академию Наук СССР от самых разнообразных лиц многочисленным запросам относительно происхождения русских слов.

Отвечая на эту потребность, Институт русского языка АН СССР еще в 1947 г. включил в план сектора истории русского литературного языка составление этимологического словаря русского языка.

Около того же времени Академия педагогических наук приняла решение издать «Школьный этимологический словарь русского языка» в составе «Книг для учителя русского языка».

К сожалению, составление этимологического словаря в Институте русского языка было прекращено, а в Академии педагогических наук и не начиналось. В «Трудах Института русского языка» (т. I, 1949, стр. 1—144) удалось только напечатать окончание «Этимологического словаря русского языка» А. Преображенского по далеко не полной сохранившейся авторской рукописи. Начало этого словаря давно стало библиографической редкостью.

2

Этимологические словари русского языка у нас стали издаваться давно. Первым опытом такого словаря был «Словарь Российской Академии», изданный в 1789—1794 гг., т. е. еще до возникновения сравнительно-исторического языкознания.

За ним последовал словарь Ф. Рейфа «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка...» (2 тома, П., 1835—1836). И этот словарь «совершенно чужд еще исторического метода языкознания»¹.

Следующий словарь Ф. Шимкевича: «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» (1842).

По отзыву С. К. Булича, «книга Шимкевича и в свое время не стояла на высоте научного знания, в настоящее же время совершенно устарела и вдобавок не имеется в продаже»².

¹ «Русский филологический вестник», 1893, № 3, стр. 175. О более ранних попытках см. у С. К. Булича «Очерк истории языкознания в России», СПб., 1904.

² «Вестник Европы», 1893, № 4, стр. 867 и сл.

Не более удачен оказался и словарь М. Изюмова «Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими» (в четырех отделах. Для учащихся в гимназиях ведомств министерства народного просвещения, Спб., 1880). О нем С. К. Булич говорит так: «Словарь г. Изюмова также весьма мало известен, о чем, впрочем, жалеть не приходится. Есть о нем отзыв Бодуэна де Куртена: «автор, очевидно не признает строгих звуковых законов и определенных соответствий звуков отдельных языков арио-европейских...»³.

Более близки к нам по времени словари Горяева и Преображенского.

На первое издание «Опыта сравнительного этимологического словаря литературного русского языка» Н. В. Горяева (Тифлис, 1892, 2-е изд.—1896) есть рецензии С. К. Булича⁴ и Н. Иванова⁵.

С. К. Булич отмечает, что «книга имеет преимущественно компилятивный характер, о чем и говорится в предисловии». Главным недостатком словаря он считает «отсталость автора», стоящего на точке зрения Шлейхера и Курциуса, оставленной уже в начале 80-х годов. «Нередко наш автор приводит такие этимологии,— замечает С. К. Булич,— которые с точки зрения современного строгого метода совершенно невозможны... Собственные этимологии автора также подчас сомнительны». Однако, заключает Булич, «рядом с сомнительными и недостоверными объяснениями он (словарь) заключает много этимологий вполне верных, трудолюбиво и разумно подобранных для главнейших слов русского языка».

Н. Иванов отмечает большую зависимость словаря от Потехни и особенно от этимологического словаря славянских языков Миклошича⁶, который и сам уже не удовлетворял научным требованиям того времени.

Н. В. Горяев — преподаватель гимназии. По неблагоприятным местным условиям он, по его признанию, «не мог пользоваться многими лингвистическими русскими и иностранными журналами и книгами».

В более благоприятных условиях находился другой составитель этимологического словаря русского языка — Преображенский. Он — заслуженный преподаватель Московской 4-й гимназии. В Москве он мог располагать всеми необходимыми пособиями, а также помощью видных московских языковедов.

«Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского начал выходить в 1910 г. При жизни автора вышло 14 выпусков (а — сулея). Конеч словарь был допечатан в 1949 г. (тело — ящур).

Первые четыре выпуска (а — карамель) акад. Ф. Ф. Fortunатов оценил следующим образом: «Достоинство работы г. Преображенского я вижу в том, что его «Этимологический словарь русского языка», насколько позволяют судить первые четыре выпуска, удовлетворительно знакомит с тем, что сделано до сих пор для объяснения происхождения русских слов и соответствующих им в других славянских языках, и содержит в себе много библиографических указаний по литературе данных вопросов. Составитель «Словаря» внимательно изучил существующие этимологические словари как славянских, так и других индоевропейских языков, а равно монографии и многие журнальные статьи, касающиеся происхождения различных неаимствованных и заимствованных слов в русском языке...»

«На словарь г. Преображенского нельзя, однако, смотреть как на самостоятельную научную работу: составитель «Словаря», очевидно, не прошел

³ «Вестник Европы», 1833, № 4, стр. 867 и сл.

⁴ Там же.

⁵ «Русский филологический вестник», 1893, № 3, стр. 174—181.

⁶ Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von F. Miklosich, Viena, 1886.

⁷ «Сборник отчетов о премиях и наградах за 1911 г.», 1916, стр. 221—228.

лингвистическую школу, и нельзя ждать от него поэтому в достаточной степени критического отношения к приводимым им мнениям ученых, ни самостоятельного научного разъяснения каких-либо явлений в истории значений или звуковой стороны рассматриваемых им слов.

Приводимые примеры вполне подтверждают эту оценку. Так на стр. 188—189 словаря говорится: «долг „обязанность“ и *долгий*, „longus“ одно и то же слово: *долг* это то, что ждут, выдерживают, терпят». Подобных толкований можно найти немало и в остальных выпусках словаря.

Дополнения и поправки к словарю Преображенского сделаны академиком Б. М. Ляпуновым⁸.

Однако можно согласиться с И. А. Булаховским, что «в целом словарь на этом этапе языковедения, когда он выходил, в существенном удовлетворял поставленной задаче»⁹. Произвольные этимологические сопоставления и толкования нередко встречаются и в современных этимологических словарях, выходящих на Западе. В одном из таких словарей, например, название русской реки — *Ока* сопоставляется с латинским словом *aqua*¹⁰.

В 1950 г. начал выходить этимологический словарь русского языка Фасмера¹¹. Судя по первому выпуску, Фасмер значительно расширил состав слов, включенных в словарь, сравнительно со словарем Преображенского. Он включает редкие областные слова, как, например, *aanigich* «*Anas glacialis*» (Камчатка), личные имена (Александр, Андрей и др.), географические названия (Алтай, Аравия, Аральское море, Арзамас, Армения, Архангельск, Астрахань и др.) и даже названия улиц (Арбат). Что касается толкований, то принципиально они ничем не отличаются от тех, которые приводятся в этимологическом словаре Преображенского. Например, толкование этимологии союза *a* буквально воспроизводит то, что есть у Преображенского.

В статье о союзе *a*, как и у Преображенского, не указано развитие значения, не обосновано сопоставление с др.-иран. *āt*, не разъяснен смысл этого сопоставления: приобрело ли уже индоевропейское *ōd значение союза или это значение развилось на почве отдельных индоевропейских языков. Одно возведение к индоевропейскому праязыку никак нельзя считать объяснением. Об этом говорит еще А. Мейе в латинском этимологическом словаре¹².

Таким образом, и от словаря Фасмера не приходится ждать чего-нибудь существенно нового. Он, по видимому, не учитывает недостатков сравнительно-исторического метода, которые выяснились в настоящее время.

3

Сравнительно-исторический метод — основа этимологии. После выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию сравнительному методу было посвящено много статей. Подробный список их приведен в «Вопросах языкознания» (т. I, 1952, стр. 19, прим. 16). Там же этим работам дана такая характеристика: «Критика недостатков старого сравнительно-исторического языкознания и сравнительно-исторического метода в последних работах советских языковедов была явно недостаточна и неглубока. Часто

⁸ «Известия ОРЯС», 1925, т. XXX, стр. 1—22; 1926, т. XXXI, стр. 31—42.

⁹ Курс русского литературного языка, изд. 4-е, 1949, стр. 92—94.

¹⁰ Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altnordischen Altnorwegisch-isländischen... Ferdinand Holhausen, Геттинген, 1948.

¹¹ Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer, 1. Lieferung, Гейдельберг, 1950.

¹² Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots, par A. Ernout et A. Meillet, Париж, 1939, VII стр.: «Il ne faut pas se contenter de dire qu'un mot latin est d'origine i.-e...».

она вовсе отсутствовала». «Статьи, специально касавшиеся недостатков сравнительно-исторического метода вообще (например, Б. А. Серебренникова), не указывали конкретных путей преобразования и усовершенствования этого метода в общей системе марксистского языкознания» (стр. 23).

Здесь не место касаться этой проблемы во всей полноте, но необходимо указать те недостатки, которые важно принять во внимание этимологу.

При сравнительном изучении индоевропейских языков обыкновенно привлекались материалы древних мертвых языков. Это исключало возможность изучать развитие этих языков в связи с историей народов. Сами факты языка часто представляли большие трудности для понимания. Стоит припомнить большое разнообразие мнений при толковании ведийских гимнов. Одни ученые вполне доверяли индийской традиции понимания Вед, другие совсем эту традицию отвергали как несостоятельную, третьи, наконец, признавали необходимым считаться с ней, но оценивать ее критически, как и теории европейских ученых¹³. Такое же положение было с толкованием гомеровских поэм и других древних памятников.

Признавая устойчивость фонетических явлений и морфологии, лексике считали неустойчивой, и данные ее ненадежными при сравнительном изучении языков¹⁴; синтаксис же привлекали совсем мало. Таким образом, язык изучался не в целом как система, служащая для общения; закономерное соотношение разных сторон языка или игнорировалось или понималось неправильно.

Реконструированным сравнительной грамматикой словам всегда приписывалось абстрактное значение. В засвидетельствованных языках слова эти обыкновенно имели конкретное значение. Таким образом, принималось развитие от абстрактного к конкретному, что противоречит действительному положению вещей. На эту ошибку не раз указывали и в былое время¹⁵, но она продолжает существовать в исследовательской практике специалистов по сравнительному языкознанию до наших дней.

Эти недостатки сравнительно-исторического метода отрицательно отзывались на этимологических исследованиях. В них не было настоящего историзма, не было единообразия метода. Часто этимологизирование ограничивалось возведением к праязыку без исследования развития значения слова. Весь смысл этимологии утрачивался.

4

Не менее важна для этимологии семантика. Главная задача этимологии — определить основное значение слова и установить развитие его значения. Здесь она опирается на семантику. Недостаточная теоретическая разработка семантики — одно из больших препятствий для этимологического исследования.

На чем основана связь звуковой и смысловой стороны слова? Какова обобщающая роль слова? Как происходит изменение значения слова? Есть ли закономерность в этом процессе? Что такое полисемия? На эти и многие другие вопросы в области значения слов существует много разнообразных ответов, основанных на различных точках зрения, но нет теории, основанной на исследовании фактического материала методом материалистической диалектики.

¹³ См. Ф. Ф. Фортунатов *Sāmaveda-āraṇyaka* — *Saṃhita*, М. 1875, стр. 1—67. L. Renou, *Les maîtres de la philologie indienne*, Париж, 1928.

¹⁴ Ученые И. В. Сталина об основном словарном фонде показывает, что не вся лексика неустойчива.

¹⁵ См. Фасмер, *Греко-славянские этюды*, III, *Греческие заимствования в русском языке*, СПб., 1909, стр. VI. (Там указана и другая литература.)

Признавая, что семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания, И. В. Сталин предостерегает от ее переоценки и злоупотребления ею¹⁶. Такое злоупотребление семантикой И. В. Сталин вскрывает в работах Н. Я. Марра.

Основываясь на этих указаниях И. В. Сталина, В. А. Звегинцев в статье «Критика семантических законов Н. Я. Марра»¹⁷ на конкретных примерах показывает характерную «для лингвистической практики Н. Я. Марра оторванность его семантических построений от языковой действительности»¹⁸ и приходит к совершенно правильному заключению: «семантические „законы“ Н. Я. Марра не только не вскрывают подлинных процессов, происходящих в пределах лексико-семантической сферы конкретных языков, но переносят изучение семантики в ненаучную плоскость бездоказательных домыслов и априорных схем, оторванных от конкретно-исторического языкового материала»¹⁹.

Такая критика очень полезна²⁰, но она решает вопрос отрицательно: как не следует изучать семантику. А. А. Белецкий в своей диссертации «Принципы этимологических исследований» (на материале греческого языка, Киев, 1950) делает попытку решить положительно вопрос о том, как следует изучать семантику.

Автор признает, что «сравнительно с теми достаточно определенными средствами, которыми мы располагаем для восстановления фонетического развития форм, нельзя еще признать удовлетворительными наши средства для восстановления семантического развития (т. е. изменений значения) форм».

«Там, где мы можем проследить шаг за шагом, — продолжает он, — изменение значения определенной формы, мы обычно устанавливаем две основные линии развития: 1) расширение значения (из более конкретного — более абстрактное) и 2) сужение значения (из более абстрактного — более конкретное). Выражаясь языком логики, мы сказали бы, что речь идет о превращении обозначения вида в обозначение рода и, напротив, обозначения рода в обозначение вида (*species pro genere, genus pro specie*)»²¹.

Пример на «расширение» значения: «гр. ἀργύριον — 1) серебряные деньги > 2) деньги (вообще)». Пример на «сужение» значения: «ἄλογος — ср. род прилаг. ἄλογος — 1) не говорящий, бессловесный > 2) неразумный, безрассудный и пр. В качестве существительного (еще у Ксенофонта), т. е. ἄλογον ζῷον, употреблялось в смысле: 1) животное, 2) лошадь...»²².

Это так называемая логическая точка зрения. Руководясь ею, сравнивают основное значение слова с производным и устанавливают, в каком логическом отношении находятся оба эти значения — сужения (вид вместо рода) или расширения (род вместо вида).

Эта точка зрения не изучает самого процесса изменения значения, чем он вызывается, как происходит. Установление отношения между основным и производным значением с самим процессом изменения значения не имеет ничего общего. Основное значение определяется обычно путем этимологизации, что недопустимо, так как за основное значение часто принимается доминирующий признак, по которому происходит называ-

¹⁶ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 37–38.

¹⁷ «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», Сборник статей, ч. 1-я, М., 1951.

¹⁸ Там же, стр. 164.

¹⁹ Там же, стр. 169.

²⁰ См. в том же сборнике статью Б. В. Горнунга «Семантические „законы“ Н. Я. Марра и вопрос об отношении истории языка к истории материальной культуры».

²¹ А. А. Белецкий, лит. соч., стр. 34.

²² Там же, стр. 34 и 35, где и другие примеры.

ние. Так, например, развитие значения слова *крыша* толкуется так: «1) то, что покрывает (вообще) > 2) то, что покрывает дом». На самом деле такого процесса никогда не происходило: слово *крыша* возникло как название по признаку (крыть, покрывать), который воспринимался как доминирующий.

Другой недостаток этой точки зрения состоит в том, что далеко не все случаи изменения значения слов можно подвести под сужение и расширение. Это отмечает и сам автор: «В основе изменения гр. *κέρως* «ствол, пень» при образовании новогр. *κέρμι* «туловище, тело» также лежит метафора, но мы не отмечаем здесь ни существенного сужения, ни существенного расширения»²³.

А. А. Белецкий выбрал, как видим, неудачный путь для решения проблемы семантики. К счастью, его исследовательская практика значительно выше его семантической теории. Благодаря этому в его диссертации много интересных наблюдений над развитием значения греческих слов. Создание теории семантики — дело будущего, хотелось бы думать, недалекого будущего.

Это необходимо не только для этимологии, но и для составления словарей русского языка, языков Советского Союза и иностранных языков, которое ведется в больших масштабах.

Наши лингвисты должны воспользоваться указаниями И. В. Сталина не только для критики, но, в еще большей степени, для положительной работы по созданию теории семантики.

5

При этимологических исследованиях никогда не надо упускать из виду связи лексики с морфологией. Сопоставление слов с непроизводными основами со словами с производными основами дает возможность судить о развитии значения непроизводного слова, т. к. производные слова соотносительны с непроизводными в разных значениях.

Так, например, по соотношению с производными *дворик*, *дворник*, *дворняжка* и некоторыми другими слово *двор* имеет значение «пространство около дома». По соотношению с сложным словом *дворохозяйство* (Толковый сл. русск. яз. под ред. Ушакова) *двор* имеет значение «крестьянский дом со всеми хозяйственными пристройками и службами: в деревне сорок *дворов*».

По соотношению с производными — *дворянин*, *дворня* и некоторыми другими слово *двор* имело значение «именье, поместье, усадьба», не встречающееся в современном русском языке. Такое значение существовало в древнерусском языке²⁴. В этом значении слово *двор* было заимствовано из русского языка литовским языком, где *dvāras* значит «именье, поместье».

По соотношению с *придворный*, *дворец* слово *двор* имеет значение «царский двор».

Таким образом, соотношение с производными словами позволяет различить в слове *двор* четыре значения. Возникает вопрос, сводимы ли все эти значения к одному. Если да, то как происходило развитие значения? Какое значение надо считать основным, первоначальным? Эти вопросы можно решить только привлечением данных письменных памятников, диалектов и данных из истории материальной культуры.

Возможно, что четвертое значение не сводимо, вместе с тремя первыми, к одному. Тогда придется говорить о двух различных словах — омони-

²³ Там же, стр. 38.

²⁴ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря др.-рус. яз..., т. 1.

мах. Вопрос о разграничении омонимов, насколько мне известно, не решен. У Бернекера²⁵ в этимологическом словаре значения не разграничены, и слово *dvor* относится по происхождению к *dverь* («zu der Sippe von dverǐ»). Не объясняется развитие значения слова.

Такого рода объяснений, отрывающих лексику от грамматики и игнорирующих развитие значения слов на почве изучаемого языка, можно привести много.

При морфологическом анализе слов необходимо принимать живые соотношения, существующие в данном языке в данную эпоху. На это совершенно правильно указано в диссертации А. А. Белецкого «Принципы этимологических исследований»: «Аффиксы нельзя выделять механически, т. е. без учета системы словообразования данного языка и этимологических связей составных частей изучаемой формы» (стр. 66). При этом необходимо учитывать явления, которые Л. А. Булаховский называет *деэтимологией* («Деэтимологизация в русском языке», Труды Института русского языка, т. I, М.—Л., 1949, стр. 147—200).

6

Не меньшее значение для этимологии имеет связь лексики с синтаксисом. Это особенно важно при определении значения служебных (несамостоятельных) слов.

Так, например, предлог *в* выражает разнообразные отношения между глаголом и существительным в винительном падеже. Их можно наблюдать только в контексте:

«Я въехал *в* Койшаурскую долину» (Л.) (направление движения).

«*В* эту минуту я вошел» (Л.) (время, когда что-нибудь происходит).

«И русский *и* (наш), как *и* (эн) французский, Провзносить умела *в* нос» (П.) (способ совершения действия) и некоторые другие случаи.

И здесь возникает вопрос об основном значении и развитии значения.

Прежде всего приходится сравнивать эти сочетания с сочетаниями предлога *в* с предложным (местным) падежом:

«Ему отвели квартиру, *и* он поселился *в* крепости» (Л.) (местное значение).

«Как часто *в* детстве я играл его Очаковской медалью!» (П.) (временное значение) и другие.

Затем надо сравнить предлог *в* с приставкой *в-*, происшедшей из того же источника, что и предлог. Ср. живые приставки в глаголах *вбежать*, *влететь*, *втянуть* и неживые — в глаголах *внимать*, *внушать*, *внедрять*.

Совокупность этих данных даст возможность определить основное значение и развитие его на почве русского языка. Сравнение со славянскими языками позволит определить более древнюю историю сочетаний с этим предлогом. После этого с большим основанием можно подойти к сравнению с другими индоевропейскими языками.

Этимологические словари обыкновенно игнорируют это требование. В словаре Преображенского даже не ставится вопрос о развитии значения этого предлога и о том, из какого самостоятельного слова он произошел и в какую эпоху.

7

Что касается фонетики, то в этой области все представляется наиболее прочно установившимся. Требование — строго следить за закономерными звуковыми соответствиями — признается всеми. Устойчивость

²⁵ Slavisches etymologisches Wörterbuch. 1909.

фонетической системы языка делает ее одним из самых важных критериев при установлении этимологии слова.

Однако это благополучие мнимое. Звуки речи не существуют самостоятельно. Их роль как смысловоразличителей (фонем) открыта русскими учеными (Бодуэн де Куртене) и в настоящее время пользуется общим признанием. Звуки речи находятся в закономерных отношениях и с лексикой, и с грамматикой и сами представляют систему, развивающуюся, в связи со всеми другими сторонами языка, в каждом языке своеобразно. Устойчивость звуков речи зависит от устойчивости основного словарного фонда и грамматики. Насколько мне известно, ни один этимологический словарь не принял во внимание этого характера звуков речи, и здесь предстоит большая работа.

Н. Я. Марр и его ученики внесли большую путаницу в изучение фонетических явлений языка. С другой стороны, структуралисты, претендующие на монополию в разработке фонологии, в крайних течениях доходят до схоластики.

Советские языковеды должны продолжить прерванную работу по изучению фонетической системы русского и других языков.

8

Вопрос о составе этимологического словаря не может решаться произвольно. В словарь должен входить основной словарный фонд, который «...живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов»²⁶.

Определение основного словарного фонда русского языка — задача, которая должна быть решена советскими языковедами на конкретном материале русского языка от Пушкина до наших дней. Для этого необходимо изучить развитие соотношения слов с непроизводными и производными основами в связи с расширением сферы действия языка.

В соответствии с результатами такого изучения должны быть внесены исправления в словник, составленный в Институте русского языка в 1948 году. В словник входит до 6500 слов. Это — слова с непроизводными основами. Словник составлялся по «Этимологическому словарю русского языка» Преображенского и по «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Он должен быть проверен на основании изучения связанных текстов разных жанров, особенно советского периода.

Изучаться должны не отдельные слова, а группы слов, относящиеся к какой-нибудь сфере действия языка, в связи с историей культуры. На целесообразность такого изучения указал еще М. М. Покровский в диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков»²⁷. Эти исследования привели его к выводу, что «слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую историю»²⁸. Подобные же наблюдения сделал А. А. Белецкий, изучая греческие названия домашних животных: «почти все эти слова имели хождение примерно в одних и тех же семантических сферах»²⁹.

К такому же роду исследований относится работа Л. А. Булаховского «Славянские названия птиц»³⁰. Недавно вышла работа о названии цветов

²⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

²⁷ Ученые записки МГУ, М., 1896. Отдел историко-филологический, вып. № 23, стр. 20.

²⁸ Там же, стр. 58 и сл.

²⁹ Принципы этимологических исследований, Киев, 1950, стр. 131.

³⁰ «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1948, т. VII, вып. 2, стр. 97—124. «Мовознавство», Киев, 1948, стр. 34—66.

в латинском языке. Наблюдая факты латинского языка, автор — J. André — приходит к заключению, что «названия запахов, звуков и форм не отличаются разнообразием и мало обновляются... Названия цветов, наоборот, постоянно умножаются»³¹. Интересно бы произвести такие исследования на фактах русского языка.

Изучение групп слов, относящихся к одной сфере действия языка, должно начинаться с современного русского литературного языка. Образцы таких исследований находим в работе акад. В. В. Виноградова по истории слов русского языка «Из истории современной русской литературной лексики»³².

Только после этого должны привлекаться данные диалектов, потом — данные украинского и белорусского языков, других славянских, затем — балтийских и остальных индоевропейских языков.

9

Для заимствованных слов необходимо произвести подобное же исследование на почве иностранного языка. Исследование заимствований должно производиться в связи с историей культурных связей между народами. К этим исследованиям необходимо привлекать специалистов в области соответствующих иностранных языков, что поможет избежать ошибок, которые довольно обильно представлены в этимологических словарях. Об этом ярко свидетельствует исследование Н. К. Дмитриева о тюркизмах в русском языке, как они представлены в «Этимологическом словаре русского языка». К сожалению, исследование, которое автор докладывал в Институте русского языка в 1942 г., еще не опубликовано.

Нельзя не заметить, что в этимологических словарях слова часто объявляются заимствованными без достаточных на то оснований. Здесь необходимо руководствоваться указаниями И. В. Сталина о скречивании языков³³. Об этой стороне этимологических исследований есть интересные соображения у А. А. Белецкого³⁴. Важность изучения заимствования слов из других языков, его причин, способов национализации заимствований признается в статье «Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина...»³⁵.

³¹ J. A n d r é, Etude sur les termes de couleur dans la langue latine, Париж, 1949, стр. 200.

³² «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1950, т. IX, вып. 5, стр. 376—392.

³³ См. И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29 и сл., 51 и сл.

³⁴ А. А. Б е л е ц к и й, цит. соч., Автореферат, стр. 10 и сл.

³⁵ См. «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 12.